В роскошном доме в Каире женщина средних лет, облачённая в дорогую одежду, лежала на кровати мужчины и громко плакала. Лицо мужчины было бледным, и было очевидно, что он мёртв. На полу комнаты валялись несколько человек, похожих на чиновников. Кровь, растёкшаяся под их телами, образовала лужу, и они больше не дышали. — «Сын! Сын мой!» — вскликнула женщина, плача до изнеможения. Вскоре после этого в дверях комнаты появился мужчина средних лет с сердитым выражением лица и пухлым телосложением. Увидев его, женщина немедленно бросилась ему в объятия. — «Учитель, ты должен отомстить за Сан'эра! Сан'ер столкнулся с этим монстром всего один раз, но тот оказался достаточно бессердечным, чтобы убить нашего сына!»Этим человеком был губернатор Каира Сун Юаньчэн. Он был так расстроен, что вытащил нож и замахнулся на коленопреклонённую служанку. — «Какой смысл держать тебя рядом? Ты даже не можешь защитить нашего хозяина!» Сначала его угнетало то, что вор, укравший список имен, смог сбежать. Однако сегодня его сын был убит! Если бы Мин Чжиянь всё ещё был рядом, он мог бы организовать несколько "несчастных случаев", чтобы отомстить за убийство сына! Но Мин Чжиянь вернулся в столицу, и у него не так много людей в городе. Он неспособен был бы ничего сделать, даже если бы и захотел! Сун Юаньчэн знал, что Мин Чжиянь — племянник императора и пользуется его благосклонностью. Он убил множество людей в столице, но каждый раз ему это сходило с рук. Он даже не мог открыто добиваться справедливости для своего сына! Ничто из того, что произошло за последние два дня, не шло гладко! Он нетерпеливо вонзил нож в тело другого слуги и свирепо произнес: — «Маленький ублюдок, подожди!»...Переодевшись, Цзянь Цинцин поблагодарила хозяйку и последовала за тётей, которая возвращалась после покупки ткани. Для прохожих она была просто женщиной, гуляющей со своей дочерью. Таким образом, Цзянь Цинцин удалось избавиться от преследователей. После того, как она скрылась из виду, она быстро направилась к зернохранилищу, где её ждал отец. Издалека она заметила, как отец Цзянь оглядывается перед магазином. Цзянь Цинцин подняла руку и закричала: — «Отец!»— «Привет!» — мгновенно откликнулся старший брат Цзянь, подбежав, чтобы встретить её. — «Как дела? За сколько ты продала?» — «Ты сможешь угадать?» — с вызовом произнесла Цзянь Цинцин. — «Один таэль?» — неуверенно предположил отец Цзянь. Цзянь Цинцин закатила глаза, глядя на него. — «Как это возможно? Официальная стоимость соли уже составляет 500 вэнь за порцию». — «Тогда 900 таэлей? Эта соль намного лучше официальной, и цена даже ниже!» — «Айя, дочь, тебя обманули? Этот человек, возможно, увидел, что ты ребёнок, и солгал тебе. Отец уже говорил, что ты не позволишь мне пойти с тобой. За какую цену можно продать такого ребёнка, как ты?» — «Стоп, стоп, стоп!» — перебила его Цзянь Цинцин. — «Разве я говорила, что цена на соль даже ниже официальной?» — «А?» — из грустного он мгновенно преобразился в счастливого. — «Тогда... тогда это два таэля?» Прежде чем Цзянь Цинцин успела ответить, он размышлял: — «Два таэля — это неплохо. Если я куплю грубо перемолото пшено, смогу есть его до летнего урожая». — «Отец, тебя устраивают два таэля?» Цзянь Даланг стукнул Цзянь Цинцин по лбу и, с недовольным видом, сказал: — «Дочь моя, будь скромнее. Обычно наша семья не зарабатывает даже двух таэлей в год. Если бы не голод, знаешь ли ты, сколько вещей можно купить за два таэля серебра? Да и не будем говорить о других вещах. Посмотри на беженцев на улице. Если бы у них было два таэля серебра, им не пришлось бы покидать родной город, спасаясь от голода». Действительно, улицы были полны беженцев, бежавших от голода. На каждом шагу у зернохранилища встречались нищие. Она всегда относилась свысока к людям той эпохи, считая, что современному человеку с современными кухнями и богатством легко заработать два таэля в этом древнем времени, когда ресурсов было мало. Она считала, что лишь вопрос времени, когда сможет вести богатую жизнь с родными. Однако её ожидания не сбылись. После более чем десяти дней здесь она проедала свои сбережения, фантазируя о богатстве, которое не принадлежало этой эпохе. Что, если её Пространственная Кухня не последует за ней? Смогла бы она довольствоваться лишь дикорастущими овощами без масла и соли? Даже если бы у неё была Пространственная Кухня, ей пришлось бы скрываться и есть тайком. Она не могла бы показать это своей любящей семье. Она поняла, что была не права.

Она должна была быть скромной и уважительной по отношению к этой эпохе. Знания в её голове и еда, не принадлежащие этому времени, не должны были стать поводом для гордости; это не должно было ограничиваться лишь обогащением семьи или деревни. Она должна была использовать свои способности во благо этой эпохи, чтобы оставить после себя что-то ценное или, по крайней мере, не заставлять улицы кишеть людьми, просящими милостыню. Цзянь Цинцин не была из тех, кто не может признать свои ошибки. Обдумав всё это, она почувствовала, как её сердце внезапно открылось. — «Прости, папа, я была слишком горда». — «Чем именно ты гордишься?» — не понимал Цзянь Даланг. Цзянь Цинцин лишь подмигнула, не собираясь объяснять. Она достала серебро, завернутое в одежду, и показала ему.

http://tl.rulate.ru/book/103018/3567922